

Виктор
Масленников

МЫ ПОМНИМ...

История — учительница жизни.

Цицерон

На территории моего микрорайона, расположенного в центральной части Балашихи, где я являюсь председателем Комитета территориального общественного самоуправления городского округа Балашиха «Центр-11», проживает замечательная семейная пара Вашуковых — Михаил Сергеевич и Мария Васильевна. Члены этой семьи, отсчитывающей свою историю с далёкого 1947 года, являются одними из немногих непосредственных свидетелей и невольных участников трагических событий, начавшихся более 70 лет назад, 22 июня 1941 г. — Великой Отечественной войны, и сейчас отдающей незаживающей раной в наших сердцах. Я хочу, чтобы данная статья-свидетельство Истории была не только письменным свидетельством тех лет, а еще одним шагом к глубокому постижению прошлого. К сожалению, всегда, когда сталкиваешься с прошлым, очень хочется его упростить, разделив условно на чёрное и белое. Но в жизни так не бывает, она намного сложнее и многогранней. Поэтому, по моему убеждению, наряду с анализом глобальных исторических процессов и событий (например, войны в целом и её epochальных событий, в частности, Сталинградской битвы), не менее важна история обычных людей, свидетелей того времени, которых по причине неумолимого течения времени каждый год, месяц и день становится все меньше.

По моему мнению, от прошлого нам никуда не деться и никуда не уйти, каким бы «неудобным» порой оно для нас не было. Его нужно принимать таким, каким оно было. Ведь история является не только академическим сборником фактов, но и фактором действия в настоящем. Поэтому я надеюсь, что данная статья,

по сути являющаяся небольшой частичкой летописи событий прошлого, внесёт вклад в понимание того времени, да и настоящего, в котором мы живём. Пример могу привести из истории своей семьи. Моя бабушка (по материнской линии) вспоминала, что в первые 10–15 лет после окончания войны люди если и не были в прямом смысле как братья в библейском понимании, то старались жить по принципам добрососедства, взаимоподдержки. Потом, когда раны постепенно затянулись, появились спесь, отчужденность, напыщенность, которые логическим итогом «расцвели» в 90-е годы и по сей день, когда бывшие соседи, коллеги, товарищи по одной улице, оказавшись волею судьбы более

удачливыми в «лотерее возможностей» 90-х годов уже прошлого столетия, в части своей, по сути, грабят и эксплуатируют своих сограждан, вообразив себя в качестве новой элиты.

Вашуков Михаил Сергеевич родился 20 января 1924 г. в деревне Слобода Клинского района Московской области, в сторожке лесничего, которым был его отец. Жила же семья, состоявшая из отца, Вашукова Сергея Ивановича, матери Вашуковой (в девичестве Гвоздевой) Екатерины Дмитриевны, трех братьев — Алексея, Александра, Бориса — и сестры Клавдии в деревне Борки, расположенной примерно в восьми километрах к востоку от места рождения Михаила Сергеевича.

Братья, как и отец, работали в лесхозе, мать — в колхозе, попутно занимаясь ведением домашних дел. Война унесла свою кровавую жатву и из семьи Вашуковых — братья Алексей, родившийся в 1917 году, и Борис, появившийся на свет в 1923 году, не вернулись с войны. Брат Александр, родившийся в 1928 г., работал в годы войны в тылу на Государственном авиационном заводе № 1 им. Авиачима (с 1941 г. — завод им. И. В. Сталина, в настоящее время входит в состав ФГУП «ГНПРКЦ «ЦСКБ-Прогресс»).

Семья встретила начало кровавых 40-х годов, лишившись своего главы: в 1935 или 1936 году лошадь, запряженная в телегу, на которой ехал отец, ранней весной провалилась на подтаявшем льду в реку. Отца удалось спасти, но он сильно заболел и вскоре умер.

Михаил Сергеевич окончил 4 класса, а после школы, в 1940 году, пошел работать на авиационный завод. После начала войны, в 17 лет добровольно вступил в народное ополчение, принимавшее участие в защите Москвы от рвавшихся к городу нацистов. Ополчение участвовало в строительстве траншей на Можайском направлении и обустройстве ДОТов.

Братья, Алексей и Борис, призванные в действующую армию (они были старше Михаила Сергеевича) были отправлены служить на Дальний Восток, на границу с Японией. Важно отметить, что Японии в 1941 г. принадлежали Курильские острова, Южный Сахалин, Корея и фактически Маньчжурия (на протяжении современного дальневосточного участка российско-китайской границы).

Михаил Сергеевич вспоминает, что в качестве ополченца ему пришлось отражать атаки немецких мотоциклистов и пехоты, стреляя в них из пулемета. Вашуков до ранения служил рядовым в 52-м полку 18-й дивизии. Там, на Можайской линии обороны, его и ранили в левую ногу в октябре 1941 г., после чего он попал в плен. Ветеран вспоминает, что он тогда чудом остался жив — после сквозного ранения в ногу обильно текла кровь, которую с большим трудом удалось остановить, быстро

После окончания войны люди если и не были в прямом смысле как братья в библейском понимании, то старались жить по принципам добрососедства, взаимоподдержки

перебинтовав ногу. Причем обрабатывали рану уже немцы, втащившие окровавленного солдата в землянку, превращенную в полевой госпиталь. То небольшое, что он помнит, когда его волоком тащили туда, шел накрапывающий мелкий осенний дождь, который мог стать для него последним...

В тылу у немецких войск, куда его позже отправили, он лечился около трех месяцев, где за ним ухаживали русские женщины и, в некоторой степени, выздоравливающие солдаты, периодически выносившие его на свежий воздух. Михаил Сергеевич говорит, что умирало совсем немного. Когда его нога постепенно поправилась, его отправили в Германию на принудительные работы. Солдату, ставшему военнопленным, определённо повезло — он не попал в концлагерь или на тяжёлые работы, откуда очень многие не возвращались. Его «определили» в крестьянское хозяйство, расположенное где-то посередине

между Штутгартom и Дармштадтом. Здесь ему повезло ещё раз. Семья немецких крестьян, состоявшая из отца семейства, его супруги, сына и дочери, хотя и сильно горевала в 1945 году по поводу поражения Германии, но они оказались неплохими людьми. Так, по воспоминаниям Михаила Сергеевича, они ни разу не применяли физическую силу ни к нему, ни к другим своим подневольным работникам, установив с ними в дальнейшем что-то наподобие товарищеских отношений в контексте специфики той ситуации и того времени, в которой оказались обе «стороны». В немецком хозяйстве были трактор, шесть коров, две лошади и много птицы. Рабочие с востока, в число которых входил Михаил Сергеевич, и четверо поляков (два мужчины и две женщины) занималась выращиванием картофеля, овса и пшеницы. Михаил Сергеевич отмечает, что, несмотря на положение «на разных сторонах баррикад», ненависти как

между крестьянами-немцами и рабочими, так и между ним и поляками не было, их даже периодически отпускали в свободные прогулки за границы хозяйства.

Так как Михаил Сергеевич оказался в Западной Германии, то в 1945 году его освобождали американские военные, передавшие затем советским властям. Около месяца он провел на территории Белоруссии, проходя проверку в специальном лагере на предмет сотрудничества с оккупантами. Ветеран вспоминает, что по прибытии в Польшу он и компания освобожденных советских граждан где-то достали самогон и отметили долгожданное освобождение и возвращение на Родину.

Совсем скоро, в 1947 году, он познакомился «на гулянье» со своей ныне здравствующей женой — Марией Васильевной Вашуковой, в том же году отпраздновали свадьбу.

Михаил Сергеевич награжден:

- медалью «За отвагу»;
- медалью «За победу над Германией»;
- орденом Отечественной войны 2-й степени.

Супруга Михаила Сергеевича родилась в 1921 г. в деревне Желудово Погорельского сельского поселения Zubцовского района Тверской области.

Родители Марии Васильевны — отец Василий Андреевич и мать Анисия Андреевна — были колхозниками. У неё было два брата — Сергей, родившийся в 1924 г., Николай и сестра Наталья, родившаяся в 1911 г. Сергей и Николай были участниками Великой Отечественной войны, которую пережили. К сожалению, они заплатили за неё дорогую цену — Николай, имея контузию и другие тяжелые ранения, скончался вскоре после её окончания совсем молодым. Сергей прожил дольше, но у него до конца жизни осталась парализованная рука и практически полная немота.

Анисия Андреевна (умерла в 1960 г.) встретила грозный 1941-й год инвалидом, практически не передвигаясь. Предыстория такова: когда всех загоняли в колхоз (слово «загоняли»

принадлежит Марии Васильевне), то отобрали лошадь, и почему-то заставили разобрать сарай (возможно, для переноса в другое место), в котором она содержалась. Сарай уже почти разобрали, когда остались только четыре балки, поддерживавшие остов крыши. Мария Васильевна вспоминает, что стоявшей неподалеку маме послышался треск, но отец не придавал значения её словам, когда она сказала ему об этом. Итог печален: сарай внезапно рухнул, при этом одно из бревен ударило по спине, что стало причиной её тяжелой инвалидности. Отец очень переживал, даже возил её в Москву, но особых изменений в её состоянии, судя по всему, так и не произошло.

1941-й год запомнился Марии Васильевне горящими домами и заревом пожара родной деревни. Хотя оккупация, по сравнению с другими территориями СССР, продолжалась относительно недолго (с октября 1941-го, по конец января 1942 г.), горя вторгшиеся немцы и их местные пособники успели натворить немало. Захватчики заставляли убирать от снега и ремонтировать дороги, выполнять другие работы. Кто отказывался или скрывался — вешали. Сразу после начала оккупации перед жителями, выступил представитель новой власти. В частности, был утверждён староста деревни, функция которого в основном заключалась в надзоре за односельчанами и принятии мер к осуществлению ими трудовой повинности, в частности, путём поиска по домам прятавшихся, благо информация о том, кто и где живёт, у него, естественно, была. Мария Васильевна несколько раз на себе испытала «новый порядок» «Тысячелетнего Рейха». Так, когда она была у подружки, чей дом стоял через один от своего, бабушка последней, увидев приближающегося старосту в компании с немецкими солдатами, от греха подальше спрятала двух девушек в горницу, закрыв её на замок. Но, немцы, видимо, уже имея подобный опыт, после детального и основательного обыска дома приказали снять замок и, увидев прячущихся девушек,

«наградили» их ударом приклада по спине.

В другой раз в деревню на телеге приехал молодой человек, русский, по меркам военного времени одетый довольно сносно: меховая шапка, телогрейка, кожаные сапоги, который зашел в горницу и стал бесцеремонно отсыпать зерно на корм лошади. Мария Васильевна, пытаясь было напомнить непрошенному гостю о том, что он — её соотечественник, получила удар лопатой, которой насыпалось зерно, и угрозу повесить её на ближайшем столбе. Другой случай окончился более благополучно: отец, пойдя в сарай, долго не возвращался. Выйдя во двор, дочь увидела, что отец «возится» с немецким солдатом, который пытался стащить с него сапоги. По совпадению, в это время по деревенской улице проходил один из немецких старших военных чинов, которого выскочившая на улицу Мария Васильевна привела во двор. Он позвал подбежавшего солдата и сильно его обругал за нарушение дисциплины. Солдат, кстати, так и не стащивший сапоги, ушел восвояси. Кроме того, позже в доме стали жить немцы, не обижавшие хозяев, но, как вспоминает Мария Васильевна, зачем-то отрезавшие у пальто воротник.

Новые власти и староста зорко следи, чтобы жители не укрывали партизан и пришлых в деревню людей. Во время боев при подходе советских частей немцы пытались угнать жителей деревни с собой на запад, но жители прошагали до соседнего села только лес и поле — примерно пять километров. Дальше не получилось — на пятки оккупантам наступали передовые советские части. Но перед освобождением им пришлось пережить немало... На санках везли инвалида — мать, которую удалось одеть в шубу, накрыть одеялом и подложить подушки... По прибытии в соседнее село жителей заперли, забив двери, в здании в сельской школы, которую немцы использовали в качестве пересыльного пункта. Люди думали, что это — конец, ведь ни для кого не были секретом сожжения гражданского населения и

военнопленных в аналогичных запертых помещениях. По воспоминаниям Марии Васильевны, по прошествии около четырёх часов, в продолжающейся тишине люди поняли, что немцы ушли. Разбив окна и вынеся большую мать, люди увидели вдалеке пожар — свои горящие дома, церковь и школу. К вечеру в деревню с догоравшими домами вошли советские войска...

Встреча их происходила так: вечером Мария Васильевна в составе группы молодежи увидели советских лыжников, закричавших, что они — свои. Жители деревни показали, где останавливались на стоянку немцы, но естественно, что никто из живых вражеских солдат не стал дожидаться прихода советских войск, а вот пулемет, ставший трофеем советских войск, им по какой-то причине бросить всё же пришлось.

Старосту, оставшегося в деревне, расстреляли перед всей деревней наши бойцы. Марии Васильевна помнит, что когда его проводили перед казнью через остатки деревни, бывшие односельчане кричали ему вслед: «Фашист, фашист пошел!».

Так как жить больше было негде, после освобождения жителей, у которых сгорели дома и для которых не хватало места в оставшихся, отправили в восточные, не бывшие под оккупацией районы Тверской (тогда Калининской) области — кого на лошадях, а кого и на машинах. В обычном деревенском доме, куда их поселили, жили мать и дочь, причем мать была весьма недружелюбно настроена к новоприбывшим — не давала им ничего, даже вилок и ложек. Но они с отцом пожаловались председателю колхоза, и он провел «воспитательную беседу» с бессердечной хозяйкой, сообщив ей, что в случае, если подобное будет продолжаться, он выселит её саму из дома по законам военного времени. Хотя деревенские жители помогали, кто чем может, отец все равно искал в поле замерзшую картошку, которую потом пытались отваривать.

Через некоторое время с семьёй воссоединилась сестра Наташа вместе с трёхгодовалой дочкой на

руках, в начале оккупации проживавшая в соседней деревне (она была замужем). Жителям Наташиной деревни повезло меньше — их успели угнать оккупанты. Её и родителей мужа, который был на войне и погиб, погнали на запад, оставив на территории Смоленской области. Наташа рассказывала, что, прибыв на новое место, старики — свёкр и свекровь — решили пойти в соседнюю деревню, попросить что-нибудь поесть. Больше она их не видела, и только один Господь знает их судьбу. Самой же Наташе улыбнулась удача — она познакомилась с одинокой старушкой, у которой члены семьи были на войне. Надо сказать, что немцы распределяли пайки только для работающих и членов их семей, те же, кто не мог работать и жил отдельно, могли рассчитывать только на себя. Поэтому они условились со старушкой, что та признает её в качестве своей снохи и будет присматривать за дочкой, пока она будет работать.

Ближе к концу войны семья постепенно, попеременно оставаясь в других деревнях, двинулась «на свою сторону», как выразилась Мария Васильевна. В итоге они оказались в окрестностях Клина, куда перед тем попала Наташа, где им в итоге выделили старый маленький домик. В Клину семья оказалась, увы, поредевшей — в той самой деревне, где семья остановилась после эвакуации у негостеприимной хозяйки, скоропостижно скончался отец, не дожив до Победы. Там, как уже говорилось, в 1947 году Мария Васильевна познакомилась с Михаилом Сергеевичем, в том же году вступив брак, продолжающийся до настоящего времени без малого 65 лет. Потом, в 1949 году, они переехали жить в Балашиху, благо на завод молодому Михаилу Сергеевичу помогли устроиться знакомые, помнившие его отца-лесника. Супруги первоначально жили в комнате общежития, в котором их соседями были ещё 16 семей.

Михаил Сергеевич первоначально работал грузчиком железнодорожного цеха, но потом, после прохождения соответствующей

подготовки, стал работать сцепщиком вагонов, а затем составителем поездов в 72-м цехе Балашинского литейно-механического завода. Мария Васильевна, несмотря на шесть классов образования, освоила профессию пирометриста, заключающуюся в определении температуры в плавильных, нагревательных и сушильных печах.

Заканчивая данную статью, надеюсь, что исторические даты

К каким последствиям может привести людское безумие, именуемое гордостью, алчностью и прочее, мы видим на примере двадцатого столетия

для нашего общества — День Победы, День памяти и скорби — не превратятся в стандартную галочку на календаре мероприятий, запоминающихся разве что красочным парадом и салютом. Возможно, я неправ, но мне кажется, что чиновник, признающий годным для проживания разваливающийся дом того или иного ветерана войны и отказывающийся на этом основании в получении нового жилья, сродни, а может быть даже и хуже того старосты из далекого 1941 года. К каким последствиям может привести людское безумие, именуемое гордостью, алчностью и прочее, мы видим на примере двадцатого столетия. Поэтому я надеюсь, что воскрешение в памяти не только проявлений зла, но и его предпосылок и причин уберезет нас от повторения той трагедии, имевшей место в нашем прошлом.

При вёрстке материала статьи стало известно, что М.С. Вашуков скончался в конце марта нынешнего, 2015 г.

Благодарю за помощь в подготовке статьи Галину Романову — директора по связям с общественностью ОАО «БЛМЗ». **НМ**